

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

*Работа представлена кафедрой русского языка
Института лингвистики РГГУ.*

Статья посвящена семантическому анализу звукоподражательных слов, ассоциативным связям, сложившимся между звукоподражательными словами и объектами – источниками звука. В статье предлагается скалярная классификация единиц по степени их конвенциональности. С этих же позиций в статье рассматриваются и так называемые «первичные эмоциональные междометия».

Ключевые слова: *звукоподражательные слова, неязыковые звуки, иконизм, конвенциональные и окказиональные формы, эмоциональные междометия.*

I. Sharonov

SEMANTIC ANALYSIS OF ONOMATOPOEIC WORDS

The article is devoted to the semantic analysis of onomatopoeic words. The main problem is to examine the associative connections of these words with the typical objects, producing sounds. The onomatopoeic words are classified according to the level of their conventional status. The so-called primary emotional interjections are viewed from the same positions.

Key words: *onomatopoeic words, nonlexical sounds, iconism, conventional and occasional words, emotional interjections.*

Речь построена на звуках, состоит из них, но «жизнь» звуков человеческой речью не ограничена. Их издают гром, ветер, листва, птицы, домашние животные, автомобили. Подобные звуки в лингвистике называют природными, или неязыковыми. Люди умеют и любят копировать многие природные звуки. Подражая пению птиц, охотники приманивают их к себе; крича как животные, партизаны во время войны извещали товарищей об опасности; актеры за сценой могут «щелкать» соловьем, «ухать» филином для придания спектаклю правдоподобия. Но гораздо чаще человек использует звуки природы для живописания своего рассказа. При этом он неязыковые звучания заменяет на их языковые аналоги, так называемые звукоподражательные слова. Звукоподражания – неизменяемые слова, которые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки, а также разнообразные явления природы, сопровождаемые звуками [14, с. 137]. Процесс перевода неязыкового звучания в языковое подробно рассматривается А. А. Реформатским [5]. Он пишет о «языковом сите», благодаря которому все чужие для каждого конкретного языка звуки преобразуются в свои, соответствующие фонетическим принципам этого языка. Природное звучание может быть услышано по-разному, и потому в речи часто сосуществуют варианты одного звучания, похожие на оригинал каждый по-своему.

Язык не терпит дуплетов, поэтому из ряда вариантов часто сохраняется только один общепринятый, конвенциональный. Интересно, что сохраняемый вариант звукоподражательного слова, как правило, максимально отдален от природного звучания. «Чем ближе данный «звукоподражательный комплекс» к изображаемому, – пишет А. А. Реформатский, – ... чем более естествен, тем он более чужд и речи, и языку; чем же он более близок к речи и языку, чем более конвенционален, тем он менее естествен и менее похож на подражаемое» [5, с. 103]. Наиболее значительную роль в конвенциализации варианта играет письменность. Неязыковые звуки

можно адекватно воспроизводить, используя речевой аппарат человека, но невозможно адекватно передавать на письме ввиду ограниченности графических средств, прежде всего алфавита. При записи выбирается и принимается тот или иной условный вариант передачи неязыкового звучания, который, будучи озвученным, постепенно вытесняет все прочие его звукоподражательные дуплеты.

В результате в языках мира собаки лают, кошки мяукают, колокола звонят по-разному. Английский петух кричит не *кукареку*, а *кока-дудль-ду*. Немецкие ножницы щелкают не *чик-чик*, а *клип-клап*, а английские – *снип-снип*. *Вув-вув* – лает шведская собака. *Ван-ван* – отзывается через континент японская. В книге С. Влахова и С. Флорина [1, с. 244] даются списки соответствий таких слов в разных языках.

Не все звукоподражательные слова достигают конвенционального статуса. Многие из встречающихся в текстах слов диффузны как по форме, так и по смыслу, и их понимание оказывается в большой степени зависящим от конкретного контекста. Анализ звукоподражательных слов, собранных нами в произведениях русской художественной литературы, позволяет располагать все единицы данной группы по шкале, на одном полюсе которой располагаются слова типа *гав-гав*, а на другом – окказиональные звуковые сочетания типа *фрррр*, *пинь-пинь-пинь*, *трамба-ламбым* и т. п. Между полюсами находятся единицы с промежуточным статусом, так сказать, «недослова». Их слабая конвенционализированность приводит, в частности, к разнобою в лексикографической практике. Например, носителю языка хорошо известны звукоподражательные слова *трах* и *тарарах*. При этом в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [11] представлено только *трах**, а в словаре Е.Ф. Ефремовой [3] – только *тарарах***.

Цель автора при использовании им звукоподражательных слов состоит в том, чтобы напомнить читателю, адресату речи некоторое неязыковое звучание, которое читатель должен представить себе или вспомнить, опираясь на свои знания о мире. Оказывается, что

одни звукоподражательные слова опознаются легко, другие несколько сложнее.

Многие неречевые, или природные звуки ассоциативно связаны со своим «источником». Можно предположить, что уровень конвенциональности звукоподражательного слова определяется не только устойчивостью его формы, но и силой их связи, «приписанности» к типовому источнику звука.

Чтобы определить источник в словах *гав-гав* или *тик-так*, не требуется контекстной поддержки: носителям русского языка известно, что это *собака* и *часы*. У других звукоподражательных слов связь с источником звука более слабая. На основе признака ассоциативной связи с агентом или источником звучания мы можем разделить звукоподражательные слова на четыре группы.

Рассмотрим эти группы более подробно.

I. В первую группу попадают слова, однозначно выявляющие объект-источник звучания. Это звукоподражательные слова, называющие домашних или «околодомашних» животных (*хрю-хрю*, *кар-кар*, *ква-ква*, *га-га-га* и т. п.), некоторые артефакты (*дин-дон*, *тик-так*, *чух-чух*, *чик-чик*) и произвольные звуковые реакции человека (*тьфу*, *брр*, *апчи* и т. п.). Корова, бык и теленок в реальности могут мычать на разные лады, однако их мычание передается в русском языке как *му*. В тексте можно встретить варианты, различающиеся по долготе звучания: *му-у*, *м-муу* или *мууу*, но ни в коем случае не *мо-о*, не *у-ум*, и, конечно же, не *ме-е* – звукоподражание, конвенционально закрепленное за козой. Высокая степень конвенциональности этих слов подтверждается переводческой практикой: переводчикам рекомендуется использовать национальный эквивалент звучания, а не транслитерировать слово по собственному разумению [1, с. 244 и далее].

Многие из таких звукоподражательных слов превращаются в корневые морфемы, становятся мотивирующей основой для других слов, образуют словообразовательное гнездо: *ква* → *квакать*, *квакушка*; *кря*, *кря* → *крякать*, *кряка* и т. п.

Слова первой группы минимально зависимы от контекста. Предложение *За забором*

послушалось грозное «гав» понимается однозначно: *грозно залаяла / гавкнула собака*.

На эксплуатации однозначной связи звукоподражательных слов первой группы с их агентами построено шутивное детское стихотворение К. Чуковского «Путаница», в котором звери меняются своими голосами:

Свинки замяукали: мяу, мяу!

Кошечки захрюкали: хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали: ква, ква, ква!

Курочки закрякали: кря, кря, кря!

Эти единицы не- или слабовариативны, их нельзя без последствий менять в контексте друг на друга.

Покажем схематически отношения, возникающие между неязыковым звучанием и звукоподражательным словом, а также ассоциативную связь этого слова с агентом-производителем звука.

Неязыковое звучание,
характерное для собак –
Гав! (конв. невариат. форма)

↓
собака

II. Во вторую группу попадают звукоподражательные слова также с устойчивой и хорошо известной носителям языка формой, но имеющие ассоциации звучания с разными типами объектов-источников. Это такие слова как *ных-ных*; *цок-цок-цок*, *буль-буль*, *дзинь*, *шмяк* и т. д.

Ных (*ных-ных*) ассоциируется со звуками, раздающимися из котла паровоза, из кастрюли с кашей, со звуками вспышек угасающего фитиля, с тихими всхрапами спящего мужчины. От звукоподражательного слова образован глагол *ныхтеть*, значения которого: 1. Сопеть, тяжело дышать. 2. Выпуская газ, пары, дым, издавать отрывистые, короткие ритмичные звуки [10].

Цок-цок ассоциируется чаще всего со звонким цоканьем подков, дамских туфель на шпильках, а также, например, со стуком дождевых капель по крыше или по окну.

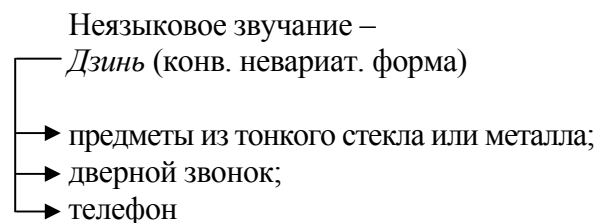
Дзинь передает звон бокалов, вообще тонкого стекла или металла, а также звучание дверного или телефонного звонка. Ср. толкование этого слова в [3]: *ДЗИНЬ. межд.*

Употр. при обозначении, при передаче звона, звяканья.

Буль-буль в целом связано с прохождением воздуха через водную среду. Это могут быть звуки тонущего кораблика, водолаза, ныряющего в воду. Но, кроме того, звукоподражательное слово передает бульканье опорожняемой бутылки.

Бултых ассоциативно связывается с водной поверхностью***, *шмяк* – с мягкими объектами – подушкой, тестом, блином и т. п., *хрусть* – с сухими и тонкими (деревянными, костяными и пр.) при их деформации, при столкновении таких предметов с твердой поверхностью.

Покажем схематически отношения, возникающие между неязыковым звучанием и звукоподражательным словом, а также ассоциативную связь этого слова с агентом-производителем звука.

Слова, входящие во вторую группу, для выявления неязыкового звучания, передаваемого звукоподражательным словом, требуют от контекста информации об источнике звука.

Они бокалами *дзинь* = они *чокнулись*.

И тут телефон вдруг *дзинь* = *завонил*.

III. В третью группу звукоподражательных слов попадают слова без четких ограничений на денотативную область источников звука. Восприятие этих слов должно опираться на иконичность при передаче неязыкового звучания. Ср. толкование: УХ “Употребляется при обозначении резкого низкого звука (от удара, выстрела, разрыва)” [9, т. 4]. *Bax* определяется как низкий и сильный звук [11], *бац* – как короткий сильный и резкий звук [Там же].

Как можно видеть, релевантными свойствами природных звучаний, мотивирующих выбор этих звукоподражательных слов, являются громкость, резкость, высота тона и подобные характеристики, из которых вы-

вести хотя бы приблизительно тип источника достаточно трудно.

Кроме перечисленных, в список единиц входят также *бабах*, *бух*, *бубух*, *бац* и др. Все эти слова сильно зависят от полноты описания ситуации в контексте. При «однофункциональных» артефактах интерпретация более-менее однозначна: *ружья бах*, *пушки бабах* – выстрелили; *рубанок вжик* – срезал стружку и т. д. Но: *книги бабах* – ? Если на пол, то упали; если об стену, то ударились. *Иван бабах* – упал? / выстрелил? / ударил? / резко поставил предмет (*Иван бабах телевизор прямо на стол*)?

Эти слова более или менее легко подменяют друг друга в контексте. Ср. описания стрельбы и взрывов в разных контекстах:

• Стрельба:

Представь себе! Из винтовки с оптическим прицелом. Он из бани выходит, например, и ты его – **бах! бах!** Из-за кустов (С. Болмат. Сами по себе)

Встретились. Запрессовали. Один бабки отслюнил. Другой у подъезда... **бац, бац.** Как в кино. Пять пуль. А это не кино...

(А. Волос. Недвижимость)

• Взрывы:

Бабах!!! – взорвалась бочка с порохом (Л. Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз).

– **Ух!** – раздавался глухой удар, и эхо где-то в стороне тихо повторяло:

– **Ух!** (Подъячев. Среди рабочих. Пример из [МАС 1982, т. 4].)

Кроме того, слова данной группы вариативно используются в качестве модального компонента предложения, вносящего значение неожиданности, внезапности, а также неподготовленности действия [6, т. 2, с. 228]. Ср.:

Тут – **бах!** – ревизия. (В. Шукшин. Калина красная)

И поднимаетесь к себе по лестнице домой, и в этот момент – **бабах!** – где зонтик?! (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно)

Развивалась музыкальная техника, и вот – **бац!** – появились в изобилии радиолы, а еще попозже – **хлоп!** – и готово дело, – колонки с усилителями и микрофоны с электрическими

гитаристами. (В. Шинкарев. Митьки. Под-росток)

Схема отношения между неязыковым звучанием и звукоподражательным словом для третьей группы слов уже не включает ассоциативной связи с агентом-производителем звука и указывает, что, несмотря на конвенциональность формы, эти единицы уже вариативны:

Громкое и короткое неязыковое звучание – Бац! (конв. вариант. форма)

IV. Четвертая, последняя группа звукоподражательных слов состоит из разного рода необычных звуковых сочетаний, часто уникальных, которые также не имеют ассоциативных связей с источником звука: *бим*, *бам*, *пинь-пинь-пинь* и т. п. Это окказиональные, авторские слова, производимые от случая к случаю с целью максимально приблизить передачу какого-либо неязыкового звука. При переводе текста, содержащем единицы четвертой группы, С. Влахов и С. Флорин дают единственно правильный совет – транскрибировать эти звукоподражательные слова [1, с. 249].

Схема отношения между неязыковым звучанием и звукоподражательным словом четвертой группы слов также не включает ассоциативной связи с агентом – производителем звука и указывает на неконвенциональность формы:

Громкое и короткое неязыковое звучание – *Бим!* (неконв. вариант. форма)

Предложенная классификация единиц релевантна для их восприятия в тексте. Автор художественного произведения в выборе звукоподражательных слов никак не ограничен. Приведем небольшой рассказ В. Голявкина «Стук» в качестве примера использования в одном тексте звукоподражательных слов разных групп.

«Я ждал, когда нам починят крышу.

Началось это так:

БУМ! БУМ! БУМ!

А потом по-другому:

БАМ! БАМ! БАМ!

Потом:

ТРАХ! БУМ! БАХ!

Потом:

БИМ! БИМ? БИМ!

Потом деликатно:

ТИК! ТИК! ТИК!

Потом громко и долго:

БУМ! БУМ! БАМ! БАМ! БАМ! БУМ!
БУМ!

Потом удивительно резко:

ТРРРАХ! ТРРРРАХ! ТРРРАХ!

Потом несравненно, ни с чем не сравненно:

УУУУХ! УУУУУУУХ!! УУУУУУХ!!!

Потом выразительно:

БАЦ! БАЦ! БАЦ!

Потом витиевато:

ТРАМБАЛАМБЫМ! ТРЫМБАЛАМ-БЫМ!!!

Потом сумбурно:

БУМ! БАМ! ТТРАМ! БУМ! БИМ! ТИК!
ТРРРАХ! УУУУХ! БАЦ! ТРЫМБАЛАМ-БЫМ!

Я к этому времени уже оглох окончательно».

Сила ассоциативной связи с источником звучания конвенциональных звукоподражательных слов может быть отчасти объяснена ролью звучащего объекта в жизни социума. Так, домашняя птица и домашние животные включены в хозяйственную жизнь человека. Поэтому крики гуся, утки или курицы нашли отражение в общепринятых звукоподражательных словах, а крики диких птиц, известные только орнитологам и охотникам, А. А. Реформатский описывает «чуфыканье» охотника как средство подзвать поближе к себе тетерева [5] – нет.

Вне нашего рассмотрения оставались пока слова, передающие неязыковые звуки человека. В академической Грамматике русского языка [2] к звукоподражательным отнесены *брр!* *тьфу!* *фу!* *фи!* *фюить!* и некоторые другие слова, определенные там как «условное воспроизведение звучаний, сопровождающих некоторые действия и физиологические акты (дрожь, плевков, смех, свист)» [2, т. 1, § 1016]. Эти же языковые единицы во многих лингвистических работах рассматриваются как первичные междометия – на том основании, что они передают различные эмоциональные состояния

человека. Л. Д. Чеснокова, пытаясь определить частеречную охарактеризованность слов типа *ха-ха*, *хи-хи-хи*, *ох*, *уф*, пишет: «Сложность возникает в тех случаях, когда слово, с одной стороны, воспроизводит звуки, а с другой – указывает на определенные чувства» [12, с. 186]. Исследователь приходит к выводу о наличии синкретизма в системе первичных междометий и звукоподражаний. В дальнейшем мы под междометиями будем подразумевать только первичные, непроемные междометия.

Категориальные признаки, по которым выделяются звукоподражательные слова и эмоциональные междометия, имеют разные основания. Если первые выделяются на основе формального признака – копирования природных звуков, то вторые определяются семантическим признаком – выражением эмоциональных реакций человека.

Формальный подход при описании междометий выявляет их полную изоморфность звукоподражательным словам. Непроизвольные эмоциональные выкрики, или вокальные жесты – это природные, неязыковые звуки, которые исследователи либо выводят из области языка, относя к паралингвистике, либо выделяют в особую фонетическую систему [4, с. 198].

Письменные фиксации этих выкриков – первичные междометия – ведут себя соответственно звукоподражательным словам второй, третьей и четвертой группы****, передавая звуки при вскриках, вздохах, фыркании, свисте и т. п., т. е. звуки, не входящие в человеческий лексикон.

Понятнее становится настойчивость лингвистической традиции объединять в один частеречный класс звукоподражательные слова и междометия.

С семантической точки зрения звукоподражательные слова, передающие неязыковые звуки человека, делятся на две группы:

- Слова, не передающие эмоций человека. Ср.:

А после – капли в нос, горчичники, аспирин... Нос посинел и мелко задрожал. – «**Кхе-кхе! А-пчхи!**» (С. Шац. Нос (не по Гоголю))

Вот, скажем, курица. – Ленка развернул ладошку перед носом директора льнозавода и дунул на нее. – **Фу** – и вместо курицы яйцо (А. Яшин. Вологодская свадьба)

- Слова, передающие эмоции человека. Ср.:

«**У-у!** – произносит он с наслаждением, проглотив первый кусок. – Твоя маханша куда лучше готовит, умеет готовить, не то что моя идиотка! (Э. Лимонов. Подросток Савенко)

«**Тю!** – удивленно присвистнул старик. – Что такое?!» (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть)

Одно и то же слово в разных ситуациях будет отнесено либо к группе звукоподражаний, либо к группе междометий в зависимости от того, выражается ли в звучании эмоциональное состояние или нет. Ср.:

«**Ох-хо-хо!** – зевнул он и перекрестил при этом рот. – Господи-владыко, царица моя небесная!..» (В. Короленко. Черкес)

О-хо-хо! Ночью никто тебе не поможет, не скажет: «Умирай, Василий, умирай, не бойся, ты все сделал, а чего не сделал, другие доделают». Человека успокоить надо, тогда ему не страшно в домовище ложиться. (В. Распутин. Василий и Василиса)

В первом примере звукоподражательное слово передает звук, производимый при зевке, физиологическом акте, лишенном «эмоциональной подкладки», а во втором оно передает тяжелый грустный вздох и потому относится к эмоциональным междометиям.

Итак, подведем итоги наших рассуждений. Звукоподражательные слова служат в языке для передачи природных, неязыковых звуков. Конвенциональность их формы и сила связи с источником звучания может быть разной, что позволяет делить их на четыре разноуровневые группы единиц. Чем более тесно объект – источник звука связан с культурным и социальным контекстом, тем уровень конвенциональности выше.

Неязыковые звуки человека передаются также звукоподражательными словами в основном второй, третьей и четвертой группы – словами, в которых нет жесткой связи между звукоподражательным словом и определен-

ным источником (каузатором звука). В зависимости от того, передает ли звукоподражательное слово эмоциональное состояние человека, или нет (т. е. в зависимости от семан-

тического, а не формального признака), оно относится либо к классу первичных эмоциональных междометий, либо к классу звукоподражательных слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

* **Трах.** *межд. звукоподр.* О резком и сильном треске, шуме от падения, толчка, взрыва.

** **Тарарах.** *межд., разг.* Употр. при обозначении, при передаче сильного грохота.

*** **Бултых** (разг.). *межд. звукоподр.* О коротком и сильном звуке при падении в воду [11].

**** Жесткой или вариативной связи между междометием и эмоциональными состояниями нет, и толковые словари в дефинициях междометия предпочитают давать открытые списки эмоций, предлагая обращаться к контексту употребления слова (см. об этом подробнее в [13]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
2. Грамматика русского языка. АН СССР. М., 1952. Т. 1.
3. *Ефремова Е. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001. С. 863.
4. *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.
5. *Реформатский А. А.* Неканоническая фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 96–109.
6. Русская грамматика: в 2 т. М., 1980.
7. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. 703 с.
8. *Серёда Е. В.* Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М., 2005. 159 с.
9. Словарь русского языка АН СССР: в 4 т. М., 1981–1984.
10. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
11. Толковый словарь / под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. М., 1995.
12. *Чеснокова Л. Д.* Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. М., 1991. 192 с.
13. *Шаронов И. А.* Междометия в языке, речи и словаре. М., 2008.
14. Энциклопедия «Русский язык». М., 1997.

REFERENCES

1. *Vlakhov S., Florin S.* Neperevodimoye v perevode. M., 1980.
2. Grammatika russkogo yazyka. AN SSSR. M., 1952. T. 1.
3. *Yefremova E. F.* Tolkovy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka. M., 2001. S. 863.
4. *Panov M. V.* Russkaya fonetika. M., 1967.
5. *Reformatsky A. A.* Nekanonicheskaya fonetika // Razvitiye fonetiki sovremennogo russkogo yazyka. M., 1966. S. 96–109.
6. Russkaya grammatika: v 2 t. M., 1980.
7. Russkiy yazyk. Entsiklopediya. M., 1997. 703 s.
8. *Sereda E. V.* Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Mesto mezhdometiy v sisteme chastey rechi. M., 2005. 159 s.
9. Slovar' russkogo yazyka AN SSSR: v 4 t. M., 1981–1984.
10. Sovremenny tolkovy slovar' russkogo yazyka. SPb., 2001.
11. Tolkovy slovar' / pod red. S. I. Ozhegova i N. Yu. Shvedovoy. M., 1995.
12. *Chesnokova L. D.* Russkiy yazyk. Trudnye sluchai morfologicheskogo razbora. M., 1991. 192 s.
13. *Sharonov I. A.* Mezhdometiya v yazyke, rechi i slovare. M., 2008.
14. Entsiklopediya «Russkiy yazyk». M., 1997.